

УДК 328.161.2

ВОСПРОИЗВОДСТВО АРХАИЧЕСКИХ СТРУКТУР СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ

© 2012 г. В. Н. Гурба, В. А. Чуланов

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного университета (НПИ)*

В статье рассмотрены социальные условия активизации архаического общества, где утрачены или деформированы нормы социального порядка. Этот процесс здесь естественный и закономерный. Обозначены причина архаизации — провал и искажение ускоренной модернизации; включение модернизационных компонентов в архаический комплекс; обращение к примордиальным основаниям принятия решений.

Ключевые слова: *неформальные отношения; общество; кризис; архаические структуры; солидарность; модернизация; право; принципы; кровная связь; этничность; Северный Кавказ.*

Some social conditions, which become a reason of activation the archaic society mechanisms, where norms of a social order are lost or deformed, are considered in the article. This process is natural and regular for such situation. Authors also determine the reasons of such archaization — a failure and distortion of the fast modernization processes; including the modernization components into an archaic complex; using the primordial to the decision-making bases.

Key words: *informal relations; society; crisis; archaic structures; solidarity; modernization; justice; principles; «blood» relations; ethnicity; the North Caucasus.*

Активизацию неформальных отношений следует рассмотреть с позиций упрочения теневого сектора экономики. Неформальной трудовой деятельностью вне предприятий и организаций в качестве приработка был занят в 1990-е годы почти каждый пятый работник. Кроме того, существовал большой контингент формально незанятых людей, но получающих доход в неформальном (теневом) секторе экономики. Оценки, основанные на различных методиках подсчета, дают различную картину распространения теневой (неформальной) экономики в России.

Структура неформального сектора отражает разнородные типы отношений: связанные с крупным теневым бизнесом, мелкое предпринимательство на уровне выживания, производство домашних хозяйств, ориентированное на рынок, нерыночные взаимодействия домохозяйств и т. д. Каждый из этих типов обусловлен специфическими причинами.

1. Согласно суждениям представителей школы структуралистов теневой сектор по-

глощает социально уязвимые группы населения, которые не могут найти себе место в формальном секторе по причине отсутствия у них экономически значимых ресурсов. Поэтому неформальный сектор как «ущербная структура» существует и в развитых странах, хотя и не столь объемно, как в странах развивающихся, или в странах с переходной экономикой.

2. «Неразумные» (по словам Э. де Сото) государственные законы которые сдерживают значительный экономический потенциал населения. Создание административных барьеров и налогового пресса осложняет ведение бизнеса, повышает его издержки и заставляет предпринимателей уходить в тень.

3. Доминирование в определенных общественных сегментах традиционных отношений — как результат «незавершенной модернизации» [3, с. 18] или демодернизации определенных общественных сегментов, что проявляется в возрождении архаичных моделей социальной и экономической организации.

Указанные причины в разной степени влияют на воспроизводство разнородных типов неформальных отношений. За пределами формальных рыночных институтов в российском обществе оказались люди разного уровня образования и подготовки, «вина» которых — незнание рыночных условий и структурный кризис экономики. Неформальный сектор обеспечил этим людям условия для выживания. Административные барьеры и фискальный пресс, коррупция и бюрократический произвол обусловили стремление российского предпринимательства скрыться от чрезмерной государственной «опеки» в тени. Т. е. полный или частичный уход в неформальный сектор составляет прагматичное решение в условиях социально-экономической трансформации.

Отношения в неформальном секторе выстраиваются на основе архаико-традиционной социальной матрицы. Институциональные реформы в переходном российском обществе осуществлялись таким образом, что элементы модернизированной структуры оказались для многих групп населения противоречивы, непонятны и неэффективны, что усиливало к ним недоверие. Очевидно, что в таких условиях требование личного знакомства выступало простым условием, обеспечивающим некоторую гарантию стабильности и предсказуемости взаимодействия. Усиление гарантий требует не просто личного знакомства, а более прочной основы, чем личная репутация и формальная организация. Более прочной основой могут выступать «гарантии крови» — собственной крови (родство, кровно-родственная общность) и чужой крови (преступление, преступные сообщества).

Изучение реципрокных обменов, неформальных экономических взаимодействий россиян показало, что родство является наиболее значимым определителем социальной дистанции и основой формирования сети. С. Барсукова, известный специалист в области неформальной экономики, сопоставила

степень социальной дистанции внутри микросоциальных групп (семья, родственники, друзья, коллеги) и характер денежных трансфертов и обнаружила, что выбор характера оказания финансовой помощи (дар или долг) зависит от кровно-родственной близости (семья, родственники). Так, родственники обеспечили горожанам 97% безвозмездной денежной, селянам 96%. При увеличении дистанции денежная помощь оказывается на долговой основе.

Исследования сельского социума и организации взаимопомощи на нерыночной основе показало, что наиболее активно в организации сетей поддержки участвуют члены семьи, но во многих регионах России в понятие «семья» включены не только близкие родственники, но и дальние родственники. «Семья» расширяется до большой общности, семейного клана, отношения в котором регулируются не юридическими нормами, а традициями, определяющими участие родственников в помощи конкретной семье. Кроме текущей поддержки устанавливаются размеры и виды помощи в ключевые моменты жизненного цикла семьи [1].

Обращение к семье, близким людям в трудные моменты жизни естественно в любом обществе. Но проблема российской модернизации заключается в институционализации (на неформальном уровне) форм архаической солидарности¹. Б. В. Дубин в контексте реставрации элементарных форм социальности в современном российском обществе отмечает, что «модернизацию по-русски можно назвать *институционализацией несостязательности*. Соответственно, парадигмальные формы организации, модельные институты здесь командно-приказные, однонаправленно-иерархические» [2].

Парадигмальной основой неформальных отношений и взаимодействий в современном российском обществе становится модель архаических общностей, прежде всего кровно-родственной семьи. Российскую современ-

¹ «В рамках современной теории рационального выбора, или рационального социального действия, солидарность, есть феномен группового сознания и групповой динамики, основанной на идентификации индивидов с некоторой общностью, причем индивиды сознательно делегируют часть своих прав данной общности в обмен на коллективную защиту их интересов... В широком смысле солидарность есть: а) особое состояние группового, корпоративного, коллективного сознания — ощущение взаимосвязи, чувство «мы», основанное на реальном положении данного сообщества во взаимодействиях с другими сообществами; б) состояние готовности данной группы (социального слоя, этнической иной общности) к совместным акциям для утверждения собственных интересов» [8].

ность можно сопоставить с результатами антропологических исследований. Например, антрополог Джейн Энсмингер сообщает, что представители исследованного ею африканского племени Орма стремятся иметь хотя бы одного члена семьи на летних фермах, куда отправляют скот на летний выпас, для того, чтобы усилить контроль за его содержанием. С той же целью заключаются браки с жителями регионов, где племя ведет торговлю [3]. Исследования знаменитых антропологов М. Мосса, Б. Малиновского и других показали, что стратегии помощи и обменов способствуют выживанию общности, но базируются на более мощном социокультурном фундаменте, чем поиски индивидуально-коллективной защиты от бедствий. М. Мосс поставил задачу выяснить источник, юридическую силу, которая заставляет людей исполнять принятые на себя неформальные обязательства. Этот аспект представляется нам очень важным для выявления механизмов социально-нормативной регуляции адатных обществ, поэтому мы уделим некоторое внимание более подробному анализу результатов, полученных М. Моссом и изложенном в его знаменитом «Очерке о даре» [4].

Прежде всего, Мосс обнаружил фактическую ошибку в теориях постепенной эволюции и вызревания рыночных отношений в обществе, поскольку экономические отношения в архаических сообществах не были первичной и упрощенной системой рыночных обменов, меновой экономикой. После совершения серии обменов никто из участников не становится более богатым, чем прежде, поэтому экономическая мотивация исключается. Обменные отношения в семейных и квазисемейных структурах (кланы, племена) характеризуются следующим:

1. В обмене участвуют не только полезные в хозяйстве вещи, но и знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки и т. д.

2. Взаимными обязательствами обмениваются и договариваются не сами индивиды, а коллективы, общности, либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно.

3. Подношения и обмены осуществляются добровольно, но они являются строго обя-

зательными, уклонение от них может спровоцировать военный конфликт.

В основе этих правил и принципов лежит архаичный синкретизм (нераздельность жизненных сфер и правил регулирования) и архаичное тождество индивида и коллектива. Индивид не располагает правом выбора — дарить или не дарить, соглашаться или не соглашаться (да он и не знает о возможности такого выбора). На нем, как и на всех членах архаической общности лежит обязанность поддерживать систему обменных контактов: обязанность просить, обязанность давать, обязанность принимать, обязанность возвращать дар.

Ни индивид, ни семья, ни род не могут отказаться от обязанности просить. Т. е. на родовом коллективе лежит обязанность оказывать гостеприимство. Но существует обязанность просить гостеприимства. Тот, кто не просит принять его в качестве гостя, разрушает связи, точно также как и тот, кто отказывается гостеприимство оказать. Отказ просить, отказ взять предложенное означает вызов, объявление войны.

В то же время, кровная связь в качестве основы архаической формы солидарности реализуется и в современном обществе. Согласно данным социологических исследований семья выступает устойчивым ядром системы ценностей россиян. Ее выбирают 90,7% населения [5]. Семью россияне готовы защищать от всех возможных угроз — от преступных посягательств, от экологических катастроф, экономических потрясений, о чем заявили более 60% опрошенных в ходе исследования страхов и тревог россиян. Для сравнения: защищать от каких-либо угроз общество в целом и страну согласны только четверть опрошенных россиян [6]. Но в различных социальных группах превалирует, либо современное представление о семье как супружеской и детско-родительской духовной близости с индивидуальной ответственностью каждого, либо архаические модели кровного родства, кровной солидарности и общей ответственности кровно-родственного сообщества за каждого из своих членов. В кровно-родственных связях и общем происхождении находят примордиальные корни этничности.

Кроме микромира неформальных отношений на семейно-родственной основе

следует выделить еще один мир, организованный по принципам архаической модели солидарности, — криминальный. Существует модель описания преступного поведения в рамках теории рационального выбора, экономического подхода Г. Беккера. Но законы функционирования криминальных сообществ невозможно объяснить, оставаясь на этих методологических позициях. Система иерархических позиций, отношения, преступная мифология и т. д. явно восходят к архаическим формам социальной организации. Преступные группы (банды, кланы, «семьи») самоорганизуются как жесткие архаические структуры, с четким распределением ролей и системой личной зависимости. Архаическая мифология структурирует смысловой мир криминального сообщества, устанавливая пространственно-временные, причинные, этических, количественные, семантические зависимости.

В архаических сообществах нарушение табу приравнивалось к преступлению против бога, оно рассматривалось как разрушение санкционированного богами космического порядка. Нарушение табу часто наказывалось смертью. Существуют свидетельства антропологов, что человек нарушивший табу, мог сам умереть от эмоциональных переживаний. В криминальном мире нарушение табу — преступление против воровского закона и наказывается столь же сурово — смерть или перевод в низшую касту. В нормах, регулирующих жизнедеятельность криминальных сообществ, проявляются особенности архаической формы нормативной регуляции: синкретизм форм, различие нормативных стандартов отношений к своим и чужим и т. д.

В многоэтнической России существуют регионы, в которых нормы архаической солидарности поддерживались всегда. Включение Северного Кавказа в состав Российской Империи привело к значительным преобразованиям нормативного пространства. Но даже после завершения процессов вхождения Кавказа в состав Империи европеизированная правовая система продолжала действовать наряду с традиционными системами нормативной регуляции — адатами и шариатом. Только сфера уголовных преступлений од-

нозначно подлежала российской имперской системе правового регулирования. Преследовались кровнические отношения и укрывательство под видом гостеприимства преступников, совершивших преступления по российскому уголовному праву [7]. Советская власть повела более решительную борьбу с традиционными общественными институтами кавказских народов. Были не только ликвидированы адатные суды, но и репрессированы кавказские старейшины, возглавлявшие эти суды. Родовые связи и традиции преследовались под видом борьбы с кулачеством и классово чуждыми элементами. В Уголовном кодексе РСФСР существовала глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». 1928 г. ее действие было распространено на Северный Кавказ. Ее действие сохранилось вплоть до УК 1960 г. Не только кровная месть, но и обращение к другим нормам адата в регулировании конфликтов приравнивалось к тяжелым уголовным правонарушениям. К 1960-м годам государственная политика по отношению к традиционным институтам несколько смягчилась. Была предпринята попытка использовать «полезные национальные адаты». После возвращения на Северный Кавказ депортированных в 1944 г. чеченцев и ингушей, были созданы примирительные комиссии, а также восстановлены суды старейшин для поддержания общественного порядка в селах.

Можно отметить частичные успехи правовой модернизации, в первую очередь номенклатурной элиты и тех слоев, которые имели широкие и стабильные социальные контакты на союзном пространстве. Но население, постоянно проживающее в горных районах, сопротивлялось правовым новациям и стремилось любыми способами сохранить обычаи предков, скрывая подлинную суть поступков. Так, скрывая многоженство, кавказские мужчины регистрировали только один из брачных союзов, селили других своих жен в отдельные дома и жили в каждом из них по очереди. Калым платили не деньгами, а продуктами, товарами, скрывая его подлинную суть. Сверххранние браки не регистрировали до времени, а ждали, пока возраст невесты не сравняется с установленным законодательно. Продолжали существовать

примирительные комиссии из стариков в отношении кровников, хотя убийц все же выдавали властям.

В постсоветский период общая тенденция в стране к воспроизведению архаических форм социальной самоорганизации, неформальных отношений и форм регулирования наиболее ярко проявился в Северокавказском регионе. Народы этого региона восприняли падение советского строя как возможность открыто следовать традициям предков, восстановить легальное пространство регулирования по адатам и шариату. В начале 1990-х годов власти северокавказских субъектов Российской Федерации (Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания) издали ряд законов, которые направлены на возрождение местных адатов «О сельской общине», «О сельском самоуправлении» и «О третейских судах». Согласно ингушскому «Закону о мировых судьях», подписанному президентом Р. Аушевым, было разрешено использование обычного и мусульманского права при разборе мелких уголовных и гражданских правонарушений.

Возрождение архаических структур в кавказском регионе имеет противоречивые последствия. С одной стороны, очевидна безусловная польза от легализации ряда народных традиций и отношений, национальной культуры и этикета (уважение к женщине, старшим, забота о семье, послушание детей, гостеприимство и т. д.). С другой стороны, противоречия нормативного регулирования не могли не сказаться на осложнении криминальной обстановки в регионе. Специфическая форма терроризма, сложившаяся в северокавказском регионе, несет на себе отпечаток этого противоречия.

Таким образом, результатом институционального кризиса российского общества является ослабление формальных нормативных регуляторов и усиление неформальных персонифицированных отношений как стратегии адаптации к условиям переходного общества. Усиление неформальной компоненты обнаруживается не только на уровне горизонтальных связей (сети неформальных обменов домохозяйств), но и вертикальных управленческих отношений.

Парадигмальной основой неформальных отношений и взаимодействий в современном

российском обществе становится модель архаических общностей, прежде всего кровнородственной семьи.

В ряде регионов (в частности, на Северном Кавказе) современные и архаичные формы социальной регуляции существовали параллельно даже в советские времена. Ослабление государственно-правового регулирования в переходном обществе приводит к тому, что архаические структуры принимают на себя полноту функций социального регулирования.

Возрождение архаических структур в Северокавказском регионе имеет противоречивые последствия: нравственная польза от легализации ряда народных традиций, обычаев и осложнение криминальной обстановки в регионе, формирование предпосылок социальной легитимизации терроризма.

Литература

1. Штейнберг И. Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы. // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. — М.: МВШСЭН, 2002. — С. 183–189. [Электронный ресурс] / Библиотека Федерального образовательного портала ЭСМ. — Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276846/022.SHTEINBERG.pdf.html>, свободный. — Загл. с экрана.
2. Дубин Б. В. К вопросу о доверии: элементарные формы социальности в современном российском обществе. // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. — М.: МВШСЭН, 2002. — С. 193. [Электронный ресурс] / Библиотека Федерального образовательного портала ЭСМ. — Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276846/023.DUBIN.pdf.html>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. — М., 2001. — С. 22.
4. Мосс М. Очерк о даре. // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Восточная литература, 1996.
5. Российская идентичность в социологическом измерении. — М., 2008. — С. 27.
6. Иванова В. А. Исследование причин

распространения теневой экономики в России. // Экономический журнал ВШЭ. — 1999. — №4. — С. 50.

7. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кри-

зис в конце XVIII — первой половине XIX века. — Нальчик, 1994.

8. Ядов В. А. Социологическая энциклопедия. — М., 2003. — С. 439.

Поступила в редакцию

15 февраля 2012 г.

Василий Александрович Чуланов — доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasiliy Aleksandrovich Chulanov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Владимир Николаевич Гурба — доктор социологических наук, автор работ по проблемам социальных аспектов терроризма и экономического неравенства.

Vladimir Nikolaevich Gurba — Ph.D., Doctor of Sociology, author of numerous works, dedicated to problems of terrorism's and economic inequality's social features.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru